

Кому любовь свою ни говори,
Слова опять истают до зари
И снег смотает голубую пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвется нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес
И светлый сад, и темно-синий лес,
И дом, в котором ждут и умирают —

И снова ждут. И жизнь течет сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю темное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неутолимый свет —
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном доме, где темнота слепит
И где лучина освещает песню.
А выплачется песенка когда,
Тогда метель и горе — не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

В ночной дали прольется поезд
Наплывами из перестуков.
Пульсирует дороги повесть
Мерцаньем звезд и тихих звуков.

Перекрывая расстоянья
Своей мелодией пустынной,
Состав летит легко и рьяно,
Но вот на станции застынет.

И в это самое мгновенье
Я вдруг пойму, что здесь когда-то
Остались предков поколенья
В земле, ни в чем не виноватой.

Зачем я мимо проезжаю
Деревни той, в которой жили
Они так тихо, не мешая
Друг другу и небесной были?

Остановиться бы, остаться
В бараке ветхом и дощатом,
И темным звездам улыбаться,
И облакам, грозой измятым.

И дожидаться до рассвета
С дежурства мужа или сына,
И песенку, что не допета,
Тянуть чуть слышно и наивно.

Просыпается зимний ребенок,
Видит белые окна вокруг.
Белый свет заштрихован спросонок
Белым снегом — невольно и вдруг.

Значит, так и предписано в жизни —
Брать ее, оттого что чиста,
И — ни горечи, ни укоризны,
Только белая рамка листа.

И рисуй, ради Бога, что хочешь,
Пусть все линии будут резки,
Черной ручкой и кистью непрочной
Избавляя себя от тоски.

А иначе не сможешь ты выжить,
Оттого что суровой зимой
Нет ни цвета, ни света, ни книжек —
Остается остаться собой.

С чердака художнику виднее
Город, опоясанный рекой,
Белый снег и черная аллея,
Уличный обманчивый покой.

Ах, какие площади и башни,
Черные сумбурные дворы!
Узкий дом, задумчивый и страшный,
Держит на весу свои миры —

Окна с безысходностью квартиры,
Птичий гомон, музыку судьбы.
Эти жизни, как победы Пирра,
На полшага только от беды.

Задержать его едва ль возможно,
Раз — и тает на ладони снег.
Но берет свой карандаш художник,
Маленький прозрачный человек.

Сквозь него пропущено пространство
Горечи, надежды и любви,
Городское снежное убранство,
Черный парк в рябиновой крови.

Воздух неба, серые просторы
Арендует он, пока живой.
Но рисует он безумный город,
Город, опоясанный рекой.

* * *

Прозрачная тень стрекозы
Мелькает на пыльной дороге,
Как будто остаток тревоги,
Как будто мерцанье слезы.

А вот и сама она здесь,
Как синий худой вертолетик,
Как чудо — почти что без плоти,
Из солнца и воздуха смесь.

Летит в полушаге от нас,
Дразня, обгоняя, взмывая
Над зеленью поля без края,
Пока горизонт не погас.

Попробуй ее догони!
Но мы не пытаемся даже,
Мы свету и тени не стражи
В прозрачные летние дни.

* * *

В этом доме доживают старики.
Светят в окнах ножевые огоньки.

Поздним вечером и ночи напролет
Ни один жилец старинный не уснет

И не успокоится, пока
Небо протекает, как река,

Синее, зеленое — во мгле.
Хорошо на маленькой Земле.

Травы пахнут зноем золотым,
Звездным светом, облаком седым.

Звезды пахнут травами, звеня.
Судьбы прорастают сквозь меня.

И душа моя навстречу им плывет —
И сама врастает в небосвод.

* * *

Всю ночь горевала свеча
И залита воском клеенка,
Как будто земная печаль
Звучала тепло и негромко.

И будто бы солнечный свет,
Такую невинную малость,
Душа разделяла на всех,
Кому она близкой казалась.

Растаяла... Что же теперь?
Живу я, себе незнакома.
Скрипит приоткрытая дверь,
И ветер гуляет по дому.

* * *

Все это было когда-то
В дальней и плавной дали:
Звездами пахла мята,
Стыли ромашки в пыли.

И деревянная дача
Вечной казалась мне.
Жизнь, много жизнью знача,
Тайной была вполне.

В ней ковыли мерцали,
Пела гвоздики кровь,

И над землей печали
Месяц нахмурил бровь.

И восходили лица,
Полные тишины:
Кроткие, словно птицы,
Нежные, словно сны.

Бабушка песни пела
Так, что земля цвела.
Звездами небо кипело
И мама еще жила.

А все остальное — пропасть,
Там, у резных ворот:
Темной дороги прорезь,
Сомкнутый небосвод.

* * *

Черного неба тягучий мед
Льется за горизонт.
Кто эту тяжкую сладость пьет
Вместе с ночной слезой —

Тот навсегда свободен, а я
Слишком земной была,
И оставалась — летя, скользя,
Птицей гнездо вила.

Черной звездой сияло оно
В гуще лохматых крон,
И облетала его стороной
Стая старых ворон.

И обходили сплетни его,
И миновала беда,
Но капля неба — всего-ничего —
Однажды коснулась гнезда.

И вот, как пропасть, зияет оно,
И видно в его окно,
Что смерти нет,
И уже все равно,
И боль отменить не дано.

И видно: бежит затяжная вода
По стеклам домов людских,
По зеркалам невинного льда,
Светлым глазам тоски.

И все скрывает небесный дождь:
Души, сердца, крыла,
И обнимает синяя дрожь
Землю, где я жила.